

О.Н.ПРОХОРОВА

г.Белгород

ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Современное языкознание характеризуется многообразием научных школ и направлений, некоторые из которых уже имеют свой статус в качестве научной парадигмы, другие же только „дают ростки” или „укореняются”. В связи с последним вслед за Е.С. Кубряковой можно сказать, что „статус современной лингвистики следовало бы охарактеризовать как полипарадигмальный” [Кубрякова, 1995, 228].

Проблема значения практически не выходила из поля зрения лингвистов всех научных парадигм: структурной, генеративной, функциональной лингвистики. И это вполне объясняется словами акад. В.И. Вернадского: „История науки... должна критически составляться каждым научным поколением и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются документы или находятся новые приёмы восстановления былого. Нет! Необходимо вновь перерабатывать историю науки, вновь исторически уходить в прошлое, потому что благодаря развитию современного знания в прошлом получает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории отражение научных теорий своего времени. Двигаясь вперёд, наука не только создаёт новое, но и неизбежно переоценивает старое. пережитое” [Вернадский, 1922, 112].

Действительно, никто не умаляет роль и значимость предшествующих парадигм, которые позволили выкристаллизовать новые подходы в решении сложных задач лингвистики.

Изучение проблемы значения было и остается одной из главных задач в развитии лингвистики. На каждом этапе мысли ставится задача, отвечающая потребностям времени.

Так в рамках лексической семантики важно было установить, как происходят квалификационные процессы (категоризация) в пределах лексического значения — появление разных значений слова с учетом синтагматики предложения и фиксирование этих значений в словаре как ЛСВ. Для более образного понимания различий когнитивной семантики и семантических направлений, предшествовавших ей, можно привести слова Р.Тейлора о различии когнитивной семантики и компонентного анализа. Он отмечает, что, даже используя в своем описании декомпозицию (разло-

жение на более элементарные семантические компоненты), он хочет видеть в полученной семантической картине целостность и причинность, т. е. отсутствие случайности как в организации каждого значения в отдельности, так и в организации подзначений в некоторое единство; критерием здесь служит не только и не столько простота описания, сколько его антропоцентричность [Taylor, 1988]. Как отмечает Е.В. Рахилина, важнейшей задачей когнитивной семантики оказывается описание типов или способов перехода от одного значения к другому [Рахилина, 2002, 384].

Лингвистика XX века может быть представлена в виде „как-лингвистика“, где ведущим принципом была дескрипция, описание языковых явлений и их сущностей. На её место в настоящее время приходит „зачем/почему-лингвистика“, которая ставит своей целью не только описать то или иное явление, но и объяснить его причину и сущностно-функциональный механизм (см. [Кибрик, 1995, 91]).

Многие языковые явления на сегодняшний день можно объяснить, используя данные и знания не только собственно лингвистики, но и экстралингвистики. Более того, при объяснении языковых фактов важно учитывать как теоретические, так и обыденные знания, что является принципиально отличным от традиционного подхода. Другими словами, значимой становится корреляция онтологических и гносеологических сущностей в процессе познания, соотношение и учет научных и обыденных знаний.

В традиционной лингвистике и, в частности, в семантике, и раньше отмечалась значимость лингвистической и экстралингвистической реальностей, однако лингвисты стремились их максимально противопоставить. На современном этапе лингвисты пытаются объединить эти два вида факторов и использовать их для объяснения языковых явлений, поскольку процесс выявления значения тесно связан с глубинными механизмами интеллектуальной деятельности человека, с его сознанием, мышлением, интуицией.

В рамках когнитивной лингвистики значение и знание изучаются в их соотносённости и корреляции, и поэтому больших результатов она достигла именно в семантике [Кубрякова, 1992, 21].

Одним из направлений когнитивной семантики является фреймовая семантика, в которой широко используется понятие фрейма, за которым признаётся ведущая роль в схематизации человеческих знаний.

Под фреймом понимается структурированная сущность (целое), в которой имеются вершины (узлы), содержащие данные, всегда истинные в рассматриваемой ситуации (облигаторные признаки) и терминалы (нижние уровни), которые надо заполнить конкретными данными (необлигаторные признаки) (см. Минский 1979).

Разделяя мнение Е.Г.Беляевской [Беляевская, 1992, 28], мы полагаем, что важными свойствами фреймов являются:

во-первых — взаимосвязь и взаимопроникновение фреймов;

во-вторых — „возможность фокусировки внимания человека на любой части фрейма”;

в-третьих — фрейм — это „некоторое типизированное мысленное представление”, „стереотип” объекта или ситуации.

Для объяснения возможности/невозможности появления тех или иных грамматических форм, синтаксических структур, актуализации того или иного значения важны, как уже отмечалось выше, не только лингвистические данные, но и экстралингвистические знания. Другими словами, в настоящее время приоритет принадлежит не лингвистике, область исследования которой ограничивалась „языком в себе и для себя”, а лингвистике, которая выходит за собственно языковые рамки.

Когнитивное направление современной лингвистики, как известно, ставит одной из главных целей проникновение в механизмы языковых явлений с учетом не только собственно языковой, но и внеязыковой информации, для получения которой важны как сам процесс познания окружающего мира, так и познавательная деятельность носителя языка. Иначе говоря, „внутриязыковой семантический анализ предложения должен рассматриваться как демонстрация лексического, грамматического и семантического наполнения предложения, и эта демонстрация служит созданию „рабочего чертежа” (метафора Факонье), пользуясь которой интерпретатор воссоздает картину целого. Интерпретатор достигает этого, обогащая „рабочий чертеж” множеством знаний, в особенности знаниями о фреймах интерпретации, которые активируются или могут быть активированы при анализе требуемого или могут быть активированы при анализе требуемого предложения, а также знанием о большей структуре (о „тексте”), в которой это предложение представлено” [Филлмор, 1988, 66]. Маленький ребенок плохо составляет связанные предложения не только потому, что он еще плохо оперирует грамматическими и лексическими нормами языка, но и потому что у него нет жизненного, познавательного опыта. Мы объясняем возможность/невозможность появления у глаголов тех или иных актантов не только потому, что мы знаем грамматические и лексические возможности, но и потому, что у нас есть опыт жизни, знания, языковая компетенция. В связи с этим для нас поразному будут восприниматься предложения, сочетания и другие единицы языка, построенные по одной и той же структурной схеме, но с разным характером отношений, передающие разные концепты. Ср: бить в колокол; бить баклуши; бить врага; бить тревогу; бить челом; бить жребий и др.

Таким образом, „собственно лингвистическое” или „конвенциональное предложение должно пониматься как „множество условий, накладываемых на понимание предложения и фигурирующих во всех контекстах его употребления, определяя ситуационно привязанное значение предложения, характеризующее его узус”. Этими словами еще раз подчеркивается значимость лингвистических и экстралингвистических фак-

торов в осмыслении механизма формирования значения лексических единиц [Филлмор, 1988, 66].

В процессе познавательной деятельности и собственного опыта в сознании человека формируются концепты, которые фиксируют и хранят в нем наши знания о мире. В языке эти концепты „обличаются” в те или иные значения слов, грамматические формы или синтаксические структуры, т.е. вербализуются, и они хранятся в памяти говорящего, который оперирует ими в процессе коммуникации. Однако для того, чтобы понять, как происходит процесс вербализации, важно хорошо и точно представлять когнитивные основания того или иного языкового явления, т.е. тот мыслительный образ или концепт, который активизируется при вербализации. Дело в том, что, как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, в слове фиксируется, а затем и актуализируется лишь часть концепта [Болдырев, 2000, 40]. Поэтому не случайно в языке существует большое количество синонимов, употребление которых детерминировано разными структурными схемами предложений. Другими словами, структурная схема является своеобразным фильтром для употребления слова в той или иной модели. С другой стороны, один и тот же концепт (а если говорить несколько шире — фрейм) может репрезентироваться не только собственно языковыми синонимами, а словами, которые приобретают статус функциональных синонимов, если при активизации мыслительного образа используются слова (возможно в качестве аргументов) того же самого фрейма (Ср., например, фрейм „приобретение” — to get money — to make money и др.).

Представленные выше положения во многом, как представляется, объясняют возможность/невозможность появления тех или иных лексических единиц при активизации одного и того же или разных концептов. Проиллюстрируем это на примере концепта „видение”.

В английском языке имеется достаточно репрезентативный класс синонимов, в основе образования значения которых лежит данный концепт: see, watch, notice, gaze, look, stare и многие другие. Однако они сразу же могут быть разделены на две большие подгруппы в зависимости от признака направленности/ненаправленности видения (look, gaze, stare — с одной стороны; see, watch, notice — с другой стороны). Грамматически это различие репрезентуется в употреблении предлога „at” у первой подгруппы глаголов. Пожалуй, дифференциация значений этих глаголов детерминируется когнитивным основанием. Глагол „look” в словаре А.С. Хорнби определяется как „turn the eyes in some direction, try to see, use one's sight”, а глагол „see” как „have or use the power of sight”. В словаре же русского языка М.Ожегова глагол „смотреть” определяется как „направлять взгляд, чтобы увидеть кого-нибудь или что-нибудь, глядеть”, а глагол „видеть” — „воспринимать зрением кого-то”. Представляется, что разное когнитивное основание лексического значения слов предопределяет и детерминирует их

возможность/невозможность употребления в разных синтаксических структурах. Так, глаголы обеих подгрупп могут реализовать типичную структурную схему английского простого предложения: S+Pr+Obj:

- Maxi looked at him with a trace of unease (J.Krantz).

- As he went over towards the big four poster bed he noticed an envelope lying on the pillow [A.Christie].

Every time she saw her father's chair she was so vividly aware of him that, try as she would, tears rushed to her eyes (J.Krantz).

Однако глаголы первой подгруппы не могут употребляться в построениях, типичных для английского языка и традиционно называемых комплексами со сложным дополнением и сложноподчиненных предложениях типа:

- Abdullah watched the sun disappear and the sky fade (Lace).

- ...I saw him indicate the decanter, as though inviting me (Barber).

- Looking in, however, she saw that Hercule Poirot was taking a pleasant little nap.. (A.Christie).

With a quick glance at her watch Maxi saw that... she would manage to reach her destination on time (J. Krantz).

В сложноподчиненных предложениях глагол see актуализирует значение „видеть” наряду со значением „осмыслять”, т.е. в данном случае в реализации значения лексических единиц лежит более сложный концепт. Актуализацию глаголом „see” значения „понимать” можно объяснить на основе экстралингвистических данных — абстрактное явление нельзя увидеть, но его можно осмыслить (ср. также простые предложения, где объект выражен абстрактным существительным, например: I see the point).

Экстралингвистические данные помогают объяснить и актуализацию значения „понимать” в сложноподчиненных предложениях с разными временными планами. Онтологически восприятие объекта может иметь место только при их одновременности протекания; разновременные, несимультантные ситуации нельзя воспринимать. Видение передает только конкретную единичную данность, взятую в одном из своих аспектов — в аспекте зримого. Понимание, как полагание этих ограничений не имеет присутствия мысли в сознании человека непосредственно не зависти от актуального состояния мира (см.: [Арутюнова, 1989, 21]). Это подтверждается и грамматически, в частности, в употреблении разных временных форм.

Глагол see может актуализировать и значение „встречаться”; в этом случае он часто употребляется в повелительной форме, приобретая категориальное значение „действие”, как в следующем примере:

-It doesn't seem to have affected his tennis game,' Strand said. 'How was your ghastly childhood affected yours?'

- 'Oh, Daddy,' Caroline waved her racquet at him, 'don't tease.'

- 'See you at home. Don't be too late (I.Shaw).'

Как видно из примеров, глагол „see” может „мигрировать” в разные фреймы, характеризующиеся неодинаковым набором участников, т.к. наблюдается разное профилирование значения глагола: зрительное восприятие -> мнение -> встреча.

Другой важной проблемой когнитивной лингвистики является исследование формирования смысла, что, несомненно, связано с описанием значения слова, значения структуры, в которой это слово употреблено.

В основе лексического значения слова лежит определённый концепт. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, значением слова становится лишь концепт, „схваченный знак” [Кубрякова, 1991]. Последнее свидетельствует о сложности отношений между концептом и значением. Совершенно очевиден тот факт, что концепт значительно шире, чем та часть концепта, которая актуализируется лексической единицей в каждом конкретном случае при вхождении в определённую структурную схему предложения. С другой стороны, одна и та же лексическая единица при употреблении в разном лексическом контексте реализует разные значения и ведёт к формированию разных смыслов, так как „высвечивается” лишь та часть концепта, которая коррелирует с характером субъектно-предикатных отношений, складывающихся в лексическом контексте конкретного предложения-высказывания.

Другими словами, лексическое значение формируется на основе „профилирования” (термин Р.Лэнкера) конкретного предложения-высказывания, т.е. акцентуации конкретной ситуации и оформления её с помощью конкретной схемы предложения. Данное положение можно проиллюстрировать с помощью примеров, оформленных синонимической группой глаголов со значением „мнение”. Одним из самых рекуррентных глаголов этой группы является глагол *think* — „думать, считать, полагать”. Данный глагол при вхождении в разные структурные схемы может формировать разные смыслы, отражая разные концепты. Так, в предложении типа *He was thinking of her the whole evening*, глагол актуализирует значение „думать, размышлять”, при котором предполагается наличие „активно действующего лица” и „объекта, на который направлены усилия субъекта”. Грамматически последнее выражается в обязательном употреблении предлога *of*.

В предложениях типа: *I think we'd better let the old man take it easy for a couple of weeks, until the doc says he can do business* (M.Puzo), или *I think him to be a good student*, глагол „think” актуализирует значение „полагать”. В этом случае субъект при глаголе является инактивным, а объект структурно выражен или интенционально, или в виде сложного дополнения, и характер субъектно-объектных отношений должен отдельно осмысливаться в рамках каждого субъектно-предикатного звена.

С другой стороны, практически один и тот же смысл может порождаться глаголами, которые имеют разное системное лексическое значение, отражающее один и тот же концепт, например, мнение говорящего о чём-то

или о ком-то, при вхождении в одну и ту же структурную схему предложения-высказывания. Проиллюстрируем это на глаголах believe, know и др.:

-For all I know you saved my life.

- I know him to be a good student.

-I don't think an old gun is an ever generous return for that .

- I think him to come in time.

- I thought you might be glad to learn of my good fortune.

Как видно из представленных примеров, характер субъектно-объектных отношений в данных высказываниях идентичен. Более того, каждый из этих глаголов в своей семантической структуре имеет дифференцирующие семы, они погашаются за счёт идентичности структурной схемы, и передаётся одинаковый смысл.

Таким образом, для формирования смысла важным является не только системное значение слова, но и значение структуры, которая осмысливается на основе характера субъектно-объектных отношений в рамках предложения-высказывания. При этом лексическое значение является не узким набором признаков, необходимых для идентификации класса объектов, а комплексом знаний, стоящих за обозначаемым, в том числе и имплицитных (см. Шенк и др. 1989), и этот комплекс реализуется в предложении-высказывании с разными наборами партиципантов.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. „Полагать” и „видеть” (к проблеме смешанных пропозициональных установок/ Логический анализ языка) // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. — М.: Наука, 1989. — С.7-30.
2. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: Дис. ... д-ра филол. наук.— М., 1992.— 401 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии.— Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000.— 123 с.
4. Вернадский В.И. Очерки и речи.— Петроград, 1922.— Вып. 2.— 123 с.
5. Кибрик А.Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестн. Моск. ун-та.— Сер.9. Филология.— М., 1995.— С.84-92.
6. Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи.— М.: Наука, 1991.— С.82-140.
7. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структура представления знаний.— М.: ИНИОН РАН, 1992.— С.4-39.
8. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XXв.— М., 1995.— С.321-341.
9. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления.— М.: УРСС, 2002.— С.270-389
10. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания//Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка.— М.: Прогресс, 1988.— Вып. XXIII.— С.52-92
11. Шенк Р., Биренбаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике.— М.: Прогресс, 1989.— Вып. XXIII.— С 32-47.
12. Taylor J.R. Contrasting Prepositional Categories: English and Italian.— Rudzka-Ostyn, 1988.— P.587.